

ОТ АВТОРА МИРОВОГО БЕСТСЕЛЛЕРА "НАВАЖДЕНИЕ ЛЮМАСА"

СКАРЛЕТТ ТОМАС

Дочь Олигарха

Corpus

Скарлетт Томас

Дочь олигарха

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56172914

Дочь олигарха:

ISBN 978-5-17-116764-6

Аннотация

Новый роман Скарлетт Томас – история о Наташе, дочке русского олигарха, которую отправляют учиться в Англию, в частную школу-интернат. Мрачный особняк, портреты Белой Дамы повсюду – это принцесса Августа, которая некогда жила здесь, а теперь является, как поговаривают, в качестве привидения. И соученицы Наташи, помешанные на диетах. В игру “Кто самая худая” включается и Наташа.

Но игра эта оборачивается драмами и даже трагедиями.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

67

Скарлетт Томас

Дочь олигарха

*Посвящаю эту книгу всем своим родным
и в особенности – памяти моей тети,
Инес Треллер*

© Scarlett Thomas, 2019

© И. Филиппова, перевод с английского, 2020

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет,
2020

© ООО “Издательство Аст”, 2020

Издательство CORPUS ®

Учебный год давно начался, она прибывает с двухнедельным опозданием – и к тому же в класс, в котором все учатся вместе уже четыре года. Дождливый вечером ее самолет идет на посадку, и, пока остальные пассажиры закрывают глаза на время турбулентности, она прижимает лицо к круглому окошку и видит внизу Лондон. Лондон! Раздутые варикозные вены города пульсируют изнутри особым денежным свечением. Она турбулентности не боится, потому что отец ни за что не позволил бы, чтобы с ней что-нибудь случилось: он все понимает про свечение и, кроме того, всемогущ.

Водитель такси, везущего ее на Кингс-Кросс, мужчина в бейсболке, с морщинистым лицом и низким приятным голосом, внезапно решает с ней заговорить. Они едут по под-

земному туннелю, и кажется, что это будет длиться вечно, но вдруг – раз, и движение прекращается. Все машины встали. Дорога безнадежно забита. У города атеросклероз. Того и гляди сердце не выдержит. Того и гляди...

– Ну-у, у меня есть Крушитель Зомбаков, – низким голосом, растягивая слова, произносит водитель. – Это такой большой нож, типа мачете, только с зубчатым лезвием. У меня он сейчас с собой, могу показать, если хотите.

Ее охватывает состояние *“fight-or-flight”*¹, или как там это называют на английском – гормональная штука, от которой можно разжиреть, если никак на нее не реагировать, – но вспышка в голове длится не дольше секунды и тут же с шипением гаснет, как спичка под дождем. Он же не мог в самом деле сказать такое? Хотя, возможно, умереть ненастной темной ночью в Лондоне – это было бы любопытно. Оперативно. Не пришлось бы терять девственность, учиться пользоваться щипцами для закручивания ресниц и возвращаться на родину. И все-таки она слегка наклоняется вперед. Ухитрится выбросить в кровь еще несколько гормончиков. На следующем светофоре можно будет...

– Но имейте в виду: я никого не хочу убивать. Я совсем не для того ношу с собой нож. Нет, понятно, что многие убивать не планируют и все равно убивают, ну, просто потому что,

¹ Реакция “Бей или беги” – состояние, возникающее в организме в момент опасности, когда надпочечные железы выделяют гормоны адреналин и норадреналин, способствующие мгновенной подготовке мышц к повышенной активности и мобилизации для устранения угрозы.

когда у тебя есть нож, очень трудно удержаться, и...

Да, пожалуй, можно будет выпрыгнуть. Двери, наверное, заперты, да? Но это только от незваных гостей снаружи. А изнутри можно выбраться в любой момент, как в том кино. Только вот как быть с огромным чемоданом? Тут, похоже, даже тротуара нет. Как же перебраться через ограждение? Неужели люди вот так и погибают – беспокоясь об idiotских мелочах?

– Важно понимать, что девяносто процентов молодых людей, ведущих подобный образ жизни, выросли в семьях без отца.

Что? А, ну да. Понятно. Это не водитель, это радио. Программа про ношение холодного оружия и связанные с этим преступления – как раз из-за всего этого мать не хотела ее сюда отпускать. Невостребованные гормоны кружатся где-то внутри подобно облетевшим цветочным лепесткам и падают в таинственную мглу – туда же, куда упала диетическая кола, выпитая в самолете, и половинка лимона, и веганская шоколадная конфета с соленой карамелью, за которую она теперь себя ненавидит, хотя и съела из коробки всего одну штуку, а остальное выбросила.

В поезде,двигающемся в северном направлении, она беспокоится, что ее изнасилует небритый мужик, сидящий напротив. Что он вообще делает в вагоне первого класса? Она пьет большой американо, который купила на Кингс-Кросс в киоске “Английский кофе” прямо на платформе. Когда он

встает, чтобы сходить в буфет, она выдергивает из головы длинный темно-медовый волос и кладет на крышку стакана – если мужик захочет отхлебнуть ее кофе, пока она пойдет в туалет, она об этом узнает. Однако, когда она возвращается, стакана вообще нет, и сотрудник в железнодорожной форме тащится по проходу с большим мешком, набитым не деньгами.

Ее зовут Наталья, а дома называют Наташей, говорит она. Как в “Войне и мире”. По-английски это, видимо, Таш. У нее толстые ляжки. Французская девочка из их спальни, Тиффани, показывает: если встать прямо и сжать ноги, должно получиться три ромба: один между щиколотками и икрами, второй – между икрами и коленями, и третий – между ляжками. Большую часть слов она произносит на французском, но, похоже, тут никто не против. Ляжкам ни в коем случае нельзя соприкасаться друг с другом, даже если ты такая уж родилась. Все пробуют встать, как показывает Тиффани, кроме Бьянки – она тощая до абсурда, и у нее этих ромбов между ногами даже больше, чем надо. У Таш пропорции правильные, но ляжки все равно ужасно толстые. Правда, не такие толстые, как у Рейчел. Рейчел – огромная, с пышными

формами, огромным римским носом и темными усами, которые ей приходится удалять с помощью воска. А еще есть Лисса, она вся как-то лоснится, как будто ее вымазали сливочным маслом.

Наташа пока не освоилась в школе – просторном загородном доме с чердаками, башенками и привидениями. Он стоит на краю деревни, где есть церковь, магазин и телефонная будка, превращенная в миниатюрную библиотеку с книжками, от которых пахнет мочой пьяных мальчиков. Призрак центральной школьной лестницы – Белая Дама, там висит ее портрет. Вайфай для учениц включают всего на час в день – с шести до семи. Как вообще можно что-нибудь сделать за один час вайфая? Девочки пишут письма заранее, оффлайн, и ровно в шесть дружно жмут на кнопку “отправить” – от такой перегрузки вайфай часто отрубается, и тогда в этот день уже никакого интернета ни для кого.

Они – воспитанницы интерната, пленницы – наверное, последние люди в этой стране, кто до сих пор пользуется электронной почтой, но у них нет выбора. После бешеной массовой отправки писем остаток часа они загружают музыку и как сумасшедшие просматривают видео. В инстаграм и snapchat без вайфая не войдешь, а ведь у каждой есть две-три любимых знаменитости, чьи посты и сторис пропускать ни в коем случае нельзя, и для того, чтобы следить за их жизнью, одного часа доступа в день непростительно мало. Ютьюб девочкам запрещен, они для него слишком хороши. Загружать

свои фото и видео им тоже не разрешается, потому что вся их жизнь – большой секрет в блестящем фантике. До них доходят новости о современных компьютерных платформах и телефонных приложениях, но что им до того, ведь они заперты в этом странном месте с деревянными панелями, тяжелыми шторами, опасными коврами с кисточками, запахами тела и прыщами. Зачем тебе групповой чат, когда вы все – и без того группа, которая чатится в реале вообще круглые сутки, даже ночью, лежа в постели?

Дэниель живет в поселке. Вечера она проводит в общей комнате девятого класса – одним глазом общается в том самом групповом чате в реале, а другим – создает капсульные коллекции гардероба на “Пинтерест” – одежду для отпуска в Абу-Даби и Кении, куда она никогда не поедет. Домой уходит засветло. Сегодня, сидя в нехорошем углу общей комнаты, рядом с CD-проигрывателем и старыми пуфиками с застарелыми пятнами от менструаций, Лисса ухитряется нарыть в интернете немного застарелой эротики, несмотря на возрастные ограничения поисковика. Почему-то через препоны цензуры удается прорваться только изображениям толстозадых женщин с огромными черными кустами на лобке – Доня говорит, что, рассматривая такие картинки, все они неизбежно станут лесбиянками, а значит, будут носить жуткие ботинки со шнурками и водить машину. Пенисов нет, а вот сисек – пожалуйста, сколько угодно. Странные животы, на треть состоящие из жира. А сзади почему-то маячат по-

лупрозрачные скелеты. И еще диванчики такие для падения в обморок – оттоманки. Бьянка сама похожа на такой полупрозрачный скелет. Склоняется, как промокшая бумажная соломинка для коктейля, вбивает что-то в айпэде Лиссы – и та-дам! – вот они, члены, правда, один скорее похож на морковку, а другой принадлежит мальчишке, которому на вид не больше двенадцати. К тому же это рисунки, а не фотографии. Вообще гравюры, господа.

Тиффани достает конфету “Шипучий взрыв”, которую называет “палка-макалка”. Съедает порошок, в который полагается обмакивать лакричную палочку, а саму палочку прячет в постель Дони. Лисса стоит перед зеркалом и пытается с помощью ватного шарика удалить хоть часть жира со лба. Она шепотом рассказывает Таш, что Бьянка тайно вступила в группу “Про-Ана”² в ватсаппе: теперь она целыми днями не вылезает из туалета, и там ее рвет, вот почему у нее так воняет изо рта. Лисса говорит еще, что Бьянка не каждый день ходит по большому. За окном – темно и тихо, так темно и тихо бывает только осенью в английских деревнях, когда неспешно, кружась и шурша, один за другим опускаются на землю листья, последние осы высасывают нутро последних слив, и там, за сумраком, скрываются неведомые тайны...

Две их спальни расположены рядом, отдельно от осталь-

² “Про-Ана” – движение, пропагандирующее нездоровую страсть к похуданию. Ана – вымышленный персонаж, она испытывает отвращение к еде и к людям, которые “жрут”, то есть попросту по-человечески питаются.

ных, в одной из старых башен. В обеих скошенный потолок и лакированные деревянные шкафы с маленькими медными ключиками. Тиффани, Лисса и Наташа спят в одной комнате, Доня, Рейчел и Бьянка – в другой. Их будто нарочно поселили здесь, чтобы они понимали, что отличаются от остальных, и чтобы испортились тут без присмотра. Но ведь, с другой стороны, то, что хранят в темном укромном месте, портиться вроде не должно? У яблок так, и у картошки, а картошка, по версии Тиффани, это “земляное яблоко”.

До отбоя Рейчел успевает принять ванну и предлагает Наташе воду, в которой мылась. У них тут что, так принято? Может, надо согласиться просто из вежливости? Но она так никогда не делает. Она вообще решила, что больше не будет вежливой. И потом, только представьте себе, что там может быть – в чужой воде. Волосы с лобка. Микробы. Обрывки темных усов. Фу, гадость.

– Нет, спасибо, – говорит она.

Рейчел улыбается. Наташа прошла тест. В верхнем ящике Дониного шкафа Тиффани прячет пачку “Мальборо лайт”, заграничных, без фотографий черных легких и отвалившихся пальцев на ногах. Таш не хочет пойти с ними завтра в лес? Да, хочет. В лесу сыро, всюду мох, лес такой английский-английский, просто *fucking English*. Но дым напоминает Наташе об отце – и о родине. Дым на вкус – точь-в-точь как отцовский запах. В памяти всплывает его одеколон, морок его больших машин с кожаными сиденьями и то, как он любит

Наташу, сильнее, чем любил ее мать или свою последнюю жену. Он любит ее сильнее, потому что она – плоть от плоти его и никогда его не предаст. Потому что она – новая. А еще потому что она стройнее.

На лошадях катаются утром в воскресенье, после церкви. Едва различимые девочки в зеленых фетровых накидках, взгляды деревенских жителей, исполненные ненависти. Наташа переодевается в спальне, и в светлых бриджах для верховой езды ее ляжки похожи на ветчину, победившую на фермерском конкурсе. Чтобы на них взглянуть, приходится забраться с ногами на узкую кровать и посмотреться в зеркало в деревянной раме, висящее на стене. В нем видно, как на ляжках колыхается жир. Она никогда раньше не видела, чтобы он так колыхался. Таш стройнее матери, а жир на ляжках все равно колыхается. Может, это оттого, что она стоит на кровати? Но в здешнем тусклом свете, насыщенном древней пылью и историей, все выглядит странно – не так, как дома.

Стойла тут тоже другие. Лошадиный запах тот же, но всю работу выполняют румяные деревенские девчонки, которые работают за то, чтобы бесплатно покататься в конце дня. Они без конца говорят про богатых девок, у которых есть

собственные лошади, а они на них не катаются. На школьниц смотрят озадаченно и с сочувствием. Во-первых, потому что те хоть и богачки, а своих лошадей не имеют. Вынуждены приходить сюда и кататься на старой Минуте, капризном Счастливишке или нервном Пабло с его безумными глазами. К тому же кататься им можно всего раз в неделю! И им тут ничего не разрешают, даже запрягать лошадей не дают.

Таш достается Пабло. Может, кто-то хотел над ней подшутить, но для нее это не проблема. Наташа умеет разговаривать с животными так, чтобы только они одни ее слышали. Пабло она говорит что-то вроде: *Я знаю, каково тебе, ведь когда-то ты очень дорого стоил, а теперь немного двинулся, и никому больше нет до тебя дела – ну, разве что этим девахам с их уродскими шмотками и жирными мамашами.* Пабло понимает, что они с ней похожи и что, возможно, ее тоже отправили сюда на верную гибель, поэтому везет ее неспешно – так, как не стал бы везти никого другого, – все впечатлены, но Таш лишь пожимает плечами. Она тщетно пытается понять, почему ее отослали сюда, в это унылое, забытое богом место. После катания их ждут дешевое жидкое какао и деревенские мальчишки – ну конечно, деревенские мальчишки тут повсюду. Просто их никто не видит.

В понедельник все садятся на новую диету. Это Лисса придумала.

Диета такая: цельнозерновой хлеб и маргарин “Сэндвич спред” – больше ничего. Никакого масла. Овощи разрешаются, а фрукты – нет. Картошку – тоже нельзя. Наташа никогда раньше не ела “Сэндвич спред”. Он английский и мерзкий, похож на застывшую блевотину. В обед девочки просят, чтобы им положили только овощей, старая кухарка миссис Куку закатывает глаза и смеется, а на ужин оставляет им по дополнительному куску пирога с патокой, и они к тому времени уже готовы его съесть – все, кроме Бьянки, та крошит свой пирог птицам.

Поздним вечером, когда рассказаны все новости про деревенских мальчиков, девочки занимаются разным секретным. После отбоя, когда гасят свет, деревенские мальчишки слоняются под окнами подобно диким зверям: принимают, изнашивают от желания. Интересно, по кому они пускают слюни? Уж точно не по Рейчел, у которой волосы на лобке бесстыдно разрослись вниз до самых бедер и вверх до пупка. И уж не по Лиссе, которой даже всеми ватными шариками мира не стереть жир со лба и переносицы. И не по Доне – у нее подмышки пахнут потрохами. Вот Тиффани – да. Деревенские мальчишки, наверное, убили бы друг друга за Тиффани с ее французской грудью второго размера и блестящими волосами. Может, вот почему, когда все засыпают, мальчишки

по-волчьи воют под окнами, может, все из-за Тиффани, а может, теперь часть шума предназначается и Наташе – необыкновенно чистой, с волосами цвета темного меда, с прозрачными голубыми глазами. И с талантом к верховой езде.

Бьянке плевать на деревенских мальчиков, поэтому, когда все засыпают, она выскальзывает из общежития через дверь, которой когда-то пользовались слуги, и долго прыгает в лунном свете, разводя руки и ноги в стороны, и парашютики одуванчиков наматывают ведьмины круги у нее в голове.

Белую Даму зовут принцесса Августа. Ее портреты тут повсюду. Самый большой – напротив главной лестницы: спускаешься, и принцесса смотрит прямо на тебя. Она изображена в развевающемся белом платье и с тюрбаном на голове, а между коленей у нее зажата арфа, уткнувшаяся сияющей головкой грифа красавице в правую грудь. Платье делает фигуру принцессы неохватной. На ногах у нее отчего-то сандалии, и сидит она у огромной греческой колонны, не самым выгодным образом оттеняющей лицо. Зато в бледном отблеске камня выигрывает замысловатое черное украшение, приколотое к тюрбану. Оно словно втягивает весь свет в себя, поглощает его – намекает: больше его никто никогда

не увидит.

Таш обнаруживает Бьянку на нижней ступеньке главной лестницы: девушка стоит и не мигая смотрит на другой портрет принцессы Августы, размером поменьше. На этой картине принцессе лет пятнадцать, и она здесь будто героиня прерафаэлитов: нимб волос цвета физалисов, гранатовые губы. Удивительное украшение снова тут: на этот раз – на шейной повязке. Кожа у девушки гладкая и сильно напудренная, совсем как белоснежная пастила. Лифчика на ней нет. Наташа вдруг понимает, что у Бьянки волосы лежат точно таким же нимбом, она хочет с ней заговорить, но Бьянка ускользает, садится за рояль и начинает играть Шопена.

Темные глаза на картине – как сверкающие косточки китайской сливы. Они будто говорят: “Заставь меня”. Вызывающие глаза, опасные, особенно для пятнадцатилетней. Бросают: “Ну же, давай. Сделай это”. И украшение все так же сверкает.

Они рассказывают друг другу – в те редкие вечера, когда деревенских мальчиков за окнами нет, – такую историю: первого владельца этого дома звали сэр Brent Спенсер. У него были высокие скулы, белоснежная борода и соловей в бирюзовой клетке. Владелец дома полюбил принцессу Августу, но, поскольку он был незнатного происхождения, пожениться они не могли. Тогда они стали жить вместе в грехе, и он умер, сжимая в руке простой серебряный медальон с ее портретом, а она вскоре утонула в озере за овечьим пастбищем.

Саму ее давно, за несколько лет до этой истории, обесчестил султан – тот самый, который подарил ей черный бриллиант, но сэру Бренту Спенсеру это было неважно.

Интересно, когда она тонула, волосы у нее выглядели так же, как на картине? А глаза? А медальон в воде окислился и со временем стал таким же бирюзовым, как птичья клетка, и в конце концов рассыпался в пыль?

Таш хочет спросить дорогу, но глаза у Бьянки закрыты, тонкое измученное тело изогнуто и зависло над фортепьяно растопыренной птичьей лапой. Локти расставлены в стороны, точно острые когти.

Она единственная из всех девочек не подворачивает зеленую форменную юбку как можно выше – носит ее нелепо длинной, до середины икры.

Где же эта дворницкая? Вроде бы почту доставляют туда. Когда что-то присылают, тебе на школьный планшет приходит уведомление. Карты на планшете нет, а школа – запутанный лабиринт с переходами, лестничными пролетами, черными лестницами, зонами обслуживающего персонала, зонами, в которые допускаются только десятиклассницы, и такими, куда можно только учащимся десятого и одиннадца-

того. Таш никак не может найти лестницу для девятого класса, толкает не ту дверь, спускается по неправильному пролету и оказывается в холодной раздевалке, заставленной лыжными палками и пакетами, а еще тут же несколько сердитых десятиклассниц, которые одаривают ее Взглядом. Взгляд как бы говорит: “Это еще че за хрень?” Он говорит: “Чего тебе тут надо?” Говорит еще: “Ты заблудилась, и мы не будем тебе помогать”. Говорит: “Ты богатая выскочка. Ты чужая. Ты еврейка. Твой отец – олигарх, а ты даже не знаешь, что это значит”.

Назад на лестницу, через другую дверь – в просторный коридор и по нему – к парадному входу, которым никто не пользуется. Тут кабинет директора. У директорской двери пахнет кофе и старым деревом. Ей вообще разрешено здесь находиться?

Вряд ли. Таш спешит дальше, пока никто ее не увидел, мимо еще нескольких портретов принцессы Августы и мимо рамы со Школьными Правилами. На одной из картин принцесса Августа в озере, лежит в воде на спине и сжимает в бледных мертвых руках увядшую розу. За окнами – сады с ярко-зеленой травой и геометрическими живыми изгородями, опутанными свежими паучьими сетями.

Когда Наташа наконец добирается до дворницкой, час, выделенный на получение почты, успевает истечь, но дворник все равно вручает ей письмо. Почему? Из-за того, что она прикусила губу и выглядит так, будто вот-вот расплачет-

ся? Но ведь она старается, чтобы по глазам этого было не видно. Глаза ее выражают совсем другое.

Это письмо от Коли. Конверт тоненький и пахнет дешевыми русскими сигаретами его матери – во времена коммунизма только такие и продавались.

В адресе школы – ошибка. Почерк такой, как будто писал заторможенный ребенок, только-только выучивший английский алфавит. На обратной стороне – в том месте, где заклеивается конверт, – Коля русскими буквами написал свой адрес. Наташа так его ненавидит. За его невинность, за бедность и за то, что он русский. За густые волосы, подстриженные в дешевой парикмахерской, за нелепое стремление взорвать ютьюб борцовскими видео и после этого переехать в Москву. Не в Париж, не в Лондон. *В Москву*. Она ненавидит его слюни, воспоминание о них. Его белые носки.

Ненавидит уговор, который они заключили, – о том, что отныне будут общаться только с помощью обычной почты, потому что – что? Потому что электронную переписку кто-нибудь может прочесть? Потому что сервер может рухнуть? Потому что в любой момент все может пойти крахом – электрические компании, которыми владеют олигархи, или весь

капитализм? Капитализм ведь скоро может рухнуть. А почта что – не может? Наташа ненавидит Колину веру в почтовую службу.

И в инопланетян.

Ненавидит его холодное лицо.

Его обгрызенные ногти.

Его маленькие ладони.

Еще один поход в дворницкую. Посылка от отца.

Наконец-то. От него уже несколько недель не было вестей – с тех пор как было принято решение об английской школе. В посылке – обернутая бумагой коробка с парой кроссовок. В школе запрещено делать покупки в интернете, все посылки должны приходиться из дома. К тому же такие кроссовки все равно в интернете не закажешь: они давным-давно распроданы, и на них длинная запись. Отец купил их в магазине “Баленсиага” в Москве, кто-то там у него знаком с человеком, который... В Москве под “знакомством” иногда подразумевается применение оружия и угроз, но в Наташином мире это пока не так. По крайней мере она ничего про это не знает. Только вот зачем же он купил розовые, если она просила белые? Таш вздыхает и спрашивает, не нужны

ли кому эти бессмысленные 39-го размера сок-бутсы цвета *millennial-pink*³.

Она думает, что отец был бы доволен: она даже в этом уверена.

У Дэниель глаза лезут на лоб. Да ведь они стоят тысячу фунтов.

Наташа отдает кроссовки Тиффани, а в шесть часов отправляет отцу имейл про то, какого цвета нужна новая пара. Жалуется на здешнюю систему электронной переписки. На кормежку. Она такая нездоровая. Такая английская. Но зато Наташа теперь наверняка поступит в английский университет, это главное. А еще попробует записаться в несколько спортивных команд, но мышцы качать слишком сильно не будет.

На следующий день прибывает конверт с подложкой из пузырьковой пленки. У дворника удивленный вид. Так много почты для одной сексуальной русской девочки. В пакете – книга рассказов Чехова на русском, а в ней – в отверстии, вырезанном на рассказе “Крестьяне”, – тоненький серебристый айфон с поддержкой 5G, который подключается к тайной сети и предоставляет владельцу безлимитный бесплатный доступ в интернет, в какой бы точке земли вы ни находились. На телефоне подключен и активирован аккаунт в *Apple Music* (удобно), а еще – приложение, которое называ-

³ “Розовый поколения миллениалов” —самый модный цвет 2017–2018 годов, бледный оттенок розового, нежно-персиковый.

ется *Dark Web* (страшноовато). Настройки телефона позволяют владельцу просматривать что угодно – отсечение головы, анальные совокупления, инструкции по производству бомб. Не то чтобы Наташе все это было нужно. На самом деле ей хочется смотреть только на девушек примерно ее размера и комплекции, одетых в вещи, до которых сама Наташа не додумалась. А еще – на мальчиков с веснушками и не слишком короткими стрижками. И на пони со свирепым выражением на морде.

К задней стенке телефона скотчем прилеплена черная кредитка “Американ экспресс” на имя Таш и записка на русском, где незнакомым почерком выведено: “Покупай все, что понадобится. Возможно, в ближайшие пару недель от твоего отца не будет новостей, но беспокоиться не о чем”. Кредитка выглядит внушительнее обычных банковских карт: более жесткая и какая-то удивительно глянцевая.

Наташа прячет телефон и черную кредитку в секретное отделение в крышке чемодана, отец показал его перед Наташиным отъездом сюда. “Если понадобится прятать что-то по-настоящему опасное, – советовал он ей, – прячь в чужих вещах. Причем в таком потайном месте в вещах другого человека, о котором даже он сам не догадывается. Если найдут – скажешь, что это его”. Наташа много думала об этом. Когда она впервые услышала такое от отца, сначала не поняла, что он имеет в виду, но теперь понимает. Это примерно как Тиффани, которая вечно прячет сигареты в шкафу у Дони.

В эту ночь Лисса снова пытается нарыть немного порно с помощью школьного вайфая. Сегодня удастся протащить сквозь фильтры цензуры несколько угольных картинок викторианских времен: жирный мужик в цилиндре машет огромным членом на перепуганную служанку, а еще гравюру: японец овладевает крестьянкой, у которой ноги привязаны к рукояти метлы. Член у японца просто чудовищных размеров.

– Они правда такие? – спрашивает Дэниэль.

– Ты что, ни разу не видела? – усмехается Лисса.

– А ты что, видела? – спрашивает Дэниэль.

– Конечно, – фыркает Лисса. – Кто же не видел!

На самом деле никто не видел, кроме Таш. Да и она тоже не то чтобы прямо видела.

После отбоя у всех под одеялом светится огонек. Девочки пишут родителям, братьям, сестрам и симпатичным кузенам, слушают подкасты, чтобы быстрее уснуть, и музыку, которую успели закачать раньше. Ну и еще есть всякое секретное. Или просто слишком банальное, чтобы делать это при всех. Тиффани слушает французскую попсу и планирует свою модельную карьеру, потом – свадьбу, а потом – похороны, на ботаническую тематику.

Бьянка скачала бесплатную версию книги “Фанни Хилл” и обнаружила там такие волнительные и будоражащие подробности – куда там интернет-поисковику! Но она никому об этом не рассказывает, потому что она вообще никогда

никому ни о чем не рассказывает. Не рассказывает о том, как ей грустно, о том, как она все провалила, и о свете, который горит внутри нее, – о ярком белом свете, который все же недостаточно ярк и недостаточно бел. Никому не рассказывает о том, что хочет себе черный бриллиант, как у принцессы Августы, чтобы он забрал у нее этот белый свет, очистил его, сделал лучше.

Наступает *Exeat* – на латыни это означает “катитесь отсюда к черту”, и это такие выходные, когда школьников отпускают домой. Некоторые девочки поехать домой не могут, так как живут слишком далеко, поэтому они остаются. Таш проводит день в Лондоне со своей гламурной тетушкой, которой раньше никогда не видела. Тетю зовут Соня, она занимается кибербезопасностью или чем-то таким. У нее собственная компания. Оказывается, это она прислала Наташе айфон. Она – сестра Наташиного отца.

– Ну, – говорит тетя Соня, встретив Таш на вокзале Кингс-Кросс, и целует ее в обе щеки. – Ты просто красавица. Такая свежая, молоденькая. Просто цветок. Я так мечтала с тобой познакомиться! Что же это твоя мама столько лет тебя прятала, а?

У тети Сони есть машина с водителем, она припаркована у “Немецкого спортзала”⁴. Водитель везет их в китайский ресторан, где-то на задворках Тоттенхэм-Корт-роуд. Здесь пахнет благовониями и за столиками сплошь миллионеры в белых спортивных костюмах: пьют жасминовый чай и едят салат с лотосом.

Наташа чувствует себя опустошенной и как будто слегка подгнившей внутри. Ей кажется, что те, кто старше ее, выглядят намного лучше. В них есть мудрость, опыт. Они знают, что такое настоящий секс. Умеют пользоваться косметикой. Могут в любое время отправиться в город и купить себе что-нибудь полезное. Им не нужно ходить в школу, и никто не говорит им, что делать. Они могущественны и могут этим хвастать. Могут растолстеть. Могут дни напролет расхаживать по дому совершенно голыми, в полном одиночестве. Могут покупать себе лошадей и бриллианты, не спрашивая ни у кого разрешения. Могут делать пирсинг и красить волосы. Могут разговаривать с людьми, не краснея и не давясь на полуслове. Они всегда точно знают, кто их родители. Даже морщины кажутся Таш привлекательными, потому что свидетельствуют о реальной жизни, возрасте и знаниях. Единственное, о чем она мечтает – мечтает страстно, всей душой, – это знания. Она не знает *ничего*. Ну, ничего полез-

⁴ В здании бывшего Немецкого спортзала, построенного в середине XIX века у лондонского вокзала Кингс-Кросс, в настоящее время работает одноименный ресторан – *German Gymnasium*.

ного. Самое главное – она не знает, как разговаривать с этой женщиной со стильно уложенными волосами, гладким лбом и безупречными розовыми ногтями.

Тетя Соня выглядит моложе, чем большинство старых людей, а это значит, что она тратит тысячи фунтов, евро и рублей ежемесячно на каждую крошечную деталь своего тела. И несмотря на это, в ней все равно угадывается житейская мудрость. Что-то во взгляде? Значит, мудрость и опыт людей так и определяются – по глазам?

– Я не знаю, о чем разговаривать с молодыми, – говорит тетя Соня. – Давно с ними не беседовала. Даже с детьми клиентов болтать перестала, хотя раньше любила их припугнуть.

Она подмигивает, и Таш замечает, что тетя ухитрилась нанести тушь таким образом, что каждая длинная черная шелковистая ресничка отделена от соседней. Когда Наташа красит ресницы, они всегда склеиваются в одного расплющенного дохлого паука.

Таш пытается улыбнуться ободряюще, слегка приподнимает плечи, и выглядит это так, будто она ими пожимает. Тетя Соня говорила по-русски, но теперь переходит на английский.

– Ты в социальных сетях есть?

– Нет, – говорит Наташа. – Ну, только читаю, что постят другие, а сама ничего не выкладываю. В школе как бы не разрешается. Дома я...

Она снова пожимает плечами. Как объяснить этой жен-

щине, что для Таш значит “дома”?

– Ясно, – тетя Соня снова переключается на русский. – Мне по работе часто встречаются – ну, то есть раньше встречались, сейчас-то я все больше по блокчейну – дети миллиардеров, которые вообще ни о чем не думают. Выкладывают в инстаграм фотографии семейного замка. Вертолета, на котором их в этот самый замок привозят. Пишут, как зовут их собачку и кошку. В какой спортивный клуб ходят. Сливают в сеть интерьеры спален, фотографии тренеров. Могли бы с таким же успехом просто рассылать официальные приглашения похитителям!

Наташа вздрагивает. Но она ведь сейчас в Великобритании. Здесь людей не похищают. Так отец говорил ее матери. Он всемогущ, и все хорошо. А здесь Наташа не потому, что ему грозит опасность, а потому, что он суперосторожен. К тому же она всю жизнь была невидимкой – так почему бы и теперь ею не остаться? И просто готовиться к будущему – в Оксфорде или Кембридже, а там уж...

– При тебе можно матом ругаться или ты еще для этого маловата? – спрашивает тетя Соня на английском.

– В школе мы ругаемся, – говорит Таш на русском и добавляет на английском: – Я не против.

– *Fuck* и *cunt*⁵ или только *fuck*? Мне нужно знать границы.

⁵ *Fuck* – достаточно грубый глагол, означающий совершение полового акта, но в дружеской обстановке в речи взрослых людей это слово вполне допустимо. *Cunt* – очень грубое обозначение женских половых органов, одно из самых непристойных английских ругательств.

– Что хотите.

Наташа краснеет, как первоклашка. Ей хочется, чтобы ее тетя сказала *cunt*, но нет, пожалуй, все-таки не хочется. Или *fuck*. Хорошо, что она произносит эти слова на английском, на русском это звучало бы просто ужасно. В иностранных грубых словах есть что-то милое и уютное. Тиффани все время говорит *putain*, на французском это означает “проститутка”, и похоже, что у них это одно из самых ужасных ругательств. *Putain, merde*⁶, – выкрикивает она каждый раз, когда что-нибудь роняет на пол в спальне. *Putain mer-DE*, – произносит она, подчеркивая последний слог, так что звучит почти как *murder* – “убийство”. Теперь и все остальные тоже так говорят, когда возникает необходимость ругнуться.

Тетя Соня смотрит на один из своих розовых ногтей так, будто видит его впервые в жизни.

– О чем вы с подружками разговариваете? Наверное, о мальчиках. Диетах. Туфлях. Ха! – смеется она. – Совсем как мы в вашем возрасте.

Неужели ничего не изменилось? Хотя тетя Соня и говорит про социальные сети, по ее внешности сразу видно, что она росла до появления мемов и ютьюб-семейств. Как Таш объяснить ей, что в современных разговорах тема мальчиков сведена к обсуждению частей их тела или, точнее говоря, только одной части и что диеты ее подружек такие секретные и странные, что их никогда и ни при каких обстоятель-

⁶ Дерьмо (фр.).

ствах нельзя упоминать в разговоре со взрослым? Почему? Да потому что все это просто смешно. Все их диеты, все, что они думают, и все, что делают, – полная ерунда в сравнении с настоящей жизнью.

Для Таш настоящая жизнь находится где-то между известным неизвестным и неизвестным известным. Эти категории – сами по себе неизвестные неизвестные. Кажется, это так называется. Вроде бы отец говорил про что-то такое? Во время их первой встречи или во время второй. В прошлом году.

– Ты порно в интернете смотришь? – спрашивает тетя Соня.

Наташа вспыхивает.

– Нет. Мы как-то пытались. Но нет.

– Порно вредит. Не смотри его. Используй айфон для покупок и чтобы списывать на экзаменах.

– Окей.

– А лесбийский опыт у тебя уже был?

Опять вспыхивает.

– Нет.

– Попробуй. Это недооцененная вещь. Только не с кем-нибудь из школы, кого видишь каждый день. Я найду тебе девушку. Таковую, которая не будет болтать.

– Нет-нет. Не нужно. Пожалуйста. Я...

– У тебя такая прекрасная кожа... Когда мне было столько же, сколько тебе, я свою не ценила.

Пауза для переваривания того, что тетя сказала про лес-

бийский опыт. Переварить и выбросить из головы.

– У вас кожа тоже хорошая.

Это правда. Она сияет неестественным светом, но так даже красивее.

– Но твоя... *Fuck*. Просто кожа младенца.

Но ведь у них у всех так – кожа, на которой написано: “Я молодая и ни черта не знаю”. Буквально у всех ее одноклассниц – ну, кроме Лиссы – кожа именно такая, и даже у Лиссы была бы ничего, если бы она пользовалась правильным тональником, так что, чтобы тягаться с тетей, нужно нечто другое. Почему взрослые этого не понимают? Ведь и кроссовки из “Баленсиага” тут не помогут. С этим нельзя родиться, этого нельзя купить. Чтобы получить то, чего хочет Наташа, нужно отправиться в лес сражаться с чудовищами, но никто ей этого не позволит, и она даже не знает, где он вообще находится, этот самый лес, и есть ли он вообще в этой стране, к тому же в наше время чудовища вполне могут оказаться реальными, и...

– Мне хочется тебе что-нибудь посоветовать, – говорит тетя Соня. – Спрашивай о чем угодно.

Как мне... Таш снова пожимает плечами. Как мне стать интересной, не будучи при этом лесбиянкой? Как укладывать волосы? О чем думать по ночам? Почему отец не замечал меня первые тринадцать лет моей жизни? Но ни один из этих вопросов так и не облекается в слова.

– Ну что ж, ладно. Тогда я скажу тебе то, о чем, к сожалению,

нию, мне в твоём возрасте никто не сказал. Делай все, что в твоих силах, чтобы сохранить красоту. Экзамены – ерунда. Если ты умная, это и так проявится. Я жалею, что так много времени потратила на учебу – лучше бы училась разбираться в людях, вот этот навык реально помогает в жизни, можешь мне поверить. Перед сном обязательно снимай косметику. Увлажняй кожу. Делай зарядку. Не выставляй тело на солнце, никогда. Вместо этого лучше витамин D внутривенно, я дам тебе номер клиники в Лондоне, где я это делаю. Когда ты от природы красив, люди считают беспокойство о внешности тщеславием – мол, тебе ж это не нужно. Но поверь мне, когда доживешь до моего возраста, тебе будет куда приятнее провести день в художественной галерее, или в сумерках в саду с тарелочкой хурмы, или где-нибудь в отеле в тропиках в шелковом халате с книжкой в руках, чем торчать все свободное время в клиниках с программами похудения, как бывшая жена твоего отца. А твоя мать? Думаю, она тоже до сих пор это делает? Я ее много лет не видела. В общем, если ты хоть раз позволишь себе растолстеть, больше уже никогда, никогда от лишнего веса не избавишься. Ну, ненадолго его, конечно, можно будет сбросить, но, если хоть раз была жирной, тело всегда будет стремиться вернуться в это состояние – как тоскующий любовник, как сорняк, как мальчик, которого забрали в армию. Так что постарайся этого не допустить.

– Как?

– Не ешь до обеда. Никогда. Ну, разве что фрукты. Только не бананы и не финики. Никогда-не пей алкоголь – это пустые калории. Если надо расслабиться, попробуй ромашку, медитации или валиум. Если приспичит попробовать наркотики, не связывайся с торгашами в ночных клубах – позвони мне, я найду тебе что-нибудь безопасное и беспалевное. В остальном просто думай головой. Не поглощай слишком много калорий, но и не ешь слишком мало, а то тело примет решение накапливать жир. Прием пищи – два раза в день. Никакого сладкого. Коричневое – хорошо, но не шоколад. Вот и все. Береги мозги для важных вещей.

– Окей.

– И всегда носи в сумочке вот это.

Тетя Соня протягивает ей маленький красный баллончик. На нем написано “Глубокое тепло”.

– Если кто-нибудь попытается на тебя напасть, брызни ему в лицо.

– “*Deep Heat*”? – удивленно читает Таш английское название на этикетке.

– Оно сильнее обычного, – объясняет тетя Соня. – Сделано в России. Поосторожнее с ним. Брызгай в глаза, чтобы напугать, а потом звони мне, и я позабочусь о том, чтобы его убили.

– Окей.

Тетя Соня улыбается.

– Ты думаешь, я серьезно?

– Честно говоря, не знаю.

– Ну, давай надеяться, что тебе и не придется этого узнать.

Тетя делает глоток жасминового чая. – Ну а как там твоя мать?

Кто-то из правительства в стародавние времена принял решение, что девочкам необходимо читать классическую феминистскую литературу, поэтому они проходят Анджелу Картер⁷, и школа ничего не может с этим поделать, потому что так положено по закону. Учительницу литературы зовут миссис Сент-Джон, и девочки произносят ее имя как “Син-Джин”. Она чудовищно старая, с подкрашенными розовой краской волосами, и иногда засыпает прямо на уроке, стискивая в руке свое жемчужное ожерелье – наверняка видит во сне, как ее похищают и продают в рабство. От Син-Джин пахнет кроличьим мехом и джином. В одном рассказе Картер есть слово *cunt*. В другом – куннилингус в исполнении животного. Вообще животные вылизывают женщин сразу в нескольких ее произведениях. Девушкам лижут кожу, лижут руки, лежащие на бедрах, а бедра – это ведь, ежу понятно...

⁷ Анджела Картер (1940–1992) – английская писательница, известная прославлением идей феминизма.

– Кто-нибудь из вас знает, от чего произошло слово “кун-нилингус”? – спрашивает Син-Джин.

В комнате ни шороха, только пятнадцать пар прекрасных глаз разом опускаются вниз, или перемещаются в сторону, или просто широко раскрываются от удивления. Кто-то из учителей реально решил с ними об этом поговорить? Вот прямо сейчас?

На этой неделе девочки сидят на диете Бьянки. Все думали, что диета Бьянки – это не есть совсем ничего, но на самом деле они постоянно едят сладкое. Бьянка свое сладкое, конечно, выблевывает, но другим она про этот пункт диеты не рассказала. Да и вообще диеты – понятие относительное, и одна из самых эффективных (диета Эйнштейна, ха-ха) – это когда просто делаешь так, чтобы окружающие стали намного жирнее тебя. Бьянка чувствует себя на этой неделе необычайно живой. Она вся так и светится, будто наполнена искорками. Кажется, она способна видеть то, чего не видят другие: незримые связи между людьми, нити, соединяющие людей с их решениями, мыслями, дружбами, стратегиями. Она – невесомая комета, что несется по темному небу; придуманный персонаж, облачко, сон. Для жизни ей теперь достаточно лишь нескольких вдохов сахарной пудры: эта штука попадает в кровь прежде, чем успеваешь с этим что-нибудь поделать.

Она летает... А потом *падает*. Летает... И *падает*.

С каждым разом удар от падения все сильнее, полет – все

выше, и небо все темнее и темнее, пока не становится совсем черным и безграничным, и тогда...

– Так что же? – торопит Син-Джин.

– Принцессе Августе не нравится, когда мы говорим о куннилингусе, – замечает Лисса.

– Она считает, что это вульгарно, – подхватывает Дэниель.

– Конечно, кроме тех случаев, когда сэр Brent Спенсер делает это ей самой, – говорит Рейчел. – Сэр Brent Спенсер – или султан.

Девочки хихикают. Кто-то с чавкающим звуком громко облизывает губы. Тиффани произносит хриплым голосом что-то вроде *le sexe oral*. Син-Джин пытается не обращать на все это внимания, взрослые так часто делают, но девочек это только еще больше раззадоривает. Когда на тебя не обращают внимания, выводить из себя бывает даже веселее.

– Сэр Brent Спенсер втайне от всех был геем, – говорит Бьянка. – А еще любил скотоложество. Как-то раз отсосал лошади. Вот почему принцесса Августа утопилась. Потому что она тоже это любила. Она обожала секс с тех пор, как ее обесчестил султан, тот, который подарил ей черный бриллиант, и...

– Так, ну хватит, – наконец не выдерживает Син-Джин. – Кабинет директора. Немедленно.

Сегодня понедельник – Наташина очередь придумывать для всех режим питания. Пока что из всех диет ее – самая замысловатая. Даже Бьянке вроде интересно. Таш еще раз перечисляет продукты, которые есть не разрешается. *Фермерскую рыбу. Любое мясо. Любые молочные продукты. Любые зерновые. Продукты из сои. Трансжиры. Вообще любые жиры. Помидоры. Баклажаны. Вообще любые пасленовые.* Это называется “Диета тети Сони”, но в ее основе еще и сотни американских диетических книг, которые хранит дома Наташина мама. В доме других книг и нет – только эти. Диета тети Сони, конечно, не допускает никакой еды до обеда, – ну, не считая фруктов. Только не финики. И не бананы. Все обожают “Боврил”⁸, и в нем всего 21 калория на стакан, так что его есть можно, но Бьянка говорит, что теперь они все подхватят коровье бешенство. В общей комнате девятого класса хранится целая партия “Боврила”, купленная по дешевке году, примерно, в 1988-м, и похоже, соус до сих пор съедобный. Бьянка говорит, что в 1988-м был пик коровьего бешенства, но пока никто из них не умер.

Единственный сахар, который официально разрешен при Наташиной диете, это “Шипучий взрыв”: дело в том, что

⁸ Знаменитый британский соус-паста с мясным вкусом.

здесь сахар упакован в бумагу, так что его есть можно. “Шипучие взрывы” благотворны, потому что они старомодные, а те, что продаются в деревенской лавке, еще и давно просрочены и продаются со скидкой. Таш заверяет всех, что читала, будто из старых или прокисших продуктов калории испаряются. Разрешено есть кимчи, но миссис Куку про такое, конечно, даже не слышала. И квашеную капусту. “Боврил” получает дополнительный балл, потому что у него-то уж точно срок годности давно вышел. Лакрица тоже приветствуется, но лакричную палочку, которая прилагается к шипучке в “Шипучем взрыве”, никто не любит, так что однажды они заталкивают Бьянке в постель штук двадцать палочек, а фигли нет?

Учителя биологии зовут доктор Морган, и это – мужчина. За исключением директора, единственный мужчина, проживающий в здании школы. Его комната – рядом с комнатой Син-Джин. У него светлые волосы, довольно длинные и жирные, из-за чего часто выглядят грязными, а еще он отрастил короткую светлую бородку, как у какой-нибудь шведской поп-звезды времен “Боврила”. Учителям выделен свой коридор в Девичьем крыле – части дома, прежде отведенной прислуге. Напротив жилища доктора Моргана обитает мадам Венсан. Комната мисс Эннабел, изнуренной артритом учительницы танцев, расположена дальше по коридору, так же, как и комната миссис Куку. Остальные учителя живут в деревне или в ближайшем городке, а некоторые – в Стивени-

дже. У директора – собственный дом на территории школы, на берегу озера, в котором утонула принцесса Августа. Когда-то у него была жена, но больше ее нет. Иногда говорят, будто она от него ушла. А иногда – что умерла. В школьном саду есть странная маленькая могилка – поговаривают, что это как раз ее. Однажды кто-то рассказал, что жена директора умерла, когда ей было всего двадцать, и она была страшно худая, сильно болела перед смертью.

На сегодняшнем уроке биологии показывают видео о том, как какой-то тип проглатывает миниатюрную камеру, и та путешествует по пищеводу и желудку, попутно записывая весь пищеварительный процесс. Это самая отвратительная вещь из всего, что они когда-либо видели.

По необъяснимой причине в лаборатории биологического класса тоже висит портрет принцессы Августы. Он здесь совершенно ни к селу: на ослепительно белых стенах – темная масляная краска. Впрочем, ощущение такое, что его выбрали для этого кабинета не случайно: принцесса Августа на этот раз одета в белое платье, которое вполне можно принять за костюм медсестры. Она, что ли, оказывала кому-то медицинскую помощь? Трудно себе такое представить. Ведь в ее времена и науки-то, кажется, не было?

– Сэр? – поднимает руку Лисса. – Сэр! Принцесса Августа не хочет смотреть на все эти какашки.

– Девушки, ну пожалуйста, – вздыхает доктор Морган. – Это никакие не “какашки”.

– Все равно это отвратительно, доктор Морган.

– Это называется химус, – объясняет он. – И в этом нет ничего омерзительного. Это то, что находится внутри каждой из вас. Все эти замечательные кусочки непереваренной пищи, корнфлекса или что там вы ели на завтрак...

– У Бьянки кусочков нет, – шепчет кто-то, и несколько человек хихикают.

– Сэр, а если не есть ничего, кроме фруктов?

– Не есть ничего, кроме фруктов, очень вредно. Питание должно быть сбалансированным.

На экране камера проходит сквозь большое количество чего-то, похожего на “Сэндвич спред”, намазанного на щупальца Чужого, и наконец добирается-таки до какашек.

– Сэр, я просто поверить не могу в то, что вы реально показываете нам все это, – говорит Лисса.

– Я пожалуйю отцу, – говорит Тиффани.

Доктор Морган вздыхает и теребит жидкую бородку.

Теплый день в начале октября напоминает Таш о родине. Прогрет даже не воздух, а сама земля, и день искрится подобно хрустальной люстре. На дальней стене столовой – высокие окна, через которые наружу толком не выглянешь,

потому что они слишком на большом расстоянии от пола и все залеплены кусочками металла. На противоположной стене – нормальные окна с подъемными рамами, и одно из них открыто. Внутрь влетел сонный шмель, он, пританцовывая, движется к свету, сначала исполненный надежды, потом – с возрастающим отчаянием, потому что полет вверх и к свету (и то, и другое – задачи не из легких, если ты шмель) не приносит результатов. Вряд ли шмель понимает, что выбраться отсюда можно, только если полететь обратно, потом взять курс вниз, в темноту, а дальше – развернуться на сто восемьдесят градусов, и все это настолько чуждо природе и биологии шмеля, что ему такое, конечно, и в голову не придет. Но именно в конце такого сложного маршрута – открытое окно: свобода, о которой шмель, должно быть, к этому моменту успел позабыть. Истинный свет.

Наташа представляет себе, как кто-то разъясняет ей все это в духовном смысле. Ну, типа, что и в жизни все примерно так же. Какой-нибудь старик-раввин в школе, которой давным-давно нет. Или доктор Морган. Мистер Хендрикс. Она наблюдает за шмелем и мысленно уговаривает того просто взять и полететь *вниз*. Изо всех сил посылает ему это внушение, сначала на русском, потом – на английском. Давай сюда, думает она, еще чуть-чуть вот сюда, а уж потом...

И тут подходит Син-Джин с ученическим изданием “Общего пролога к «Кентерберийским рассказам»” и прибывает шмеля.

Бьянку опять вызвали к директору, и на этот раз он попросил ее прийти к нему домой. Директор славится тем, что проводит “исправительные” мероприятия для “непослушных” девочек. Иногда читает им книги – ужасно скучные, часто – про Наполеона или королеву Викторию, а то и собственный самиздат на тему местной истории. Бывает, поручает им заботиться о ком-нибудь из младших, но в последние годы младших и старших стараются разделять из-за того, что старшие нагло пользовались расположением фенечек.

Бьянка в этом не участвовала, да и вообще там было-то – несколько раз послали их в деревенский магазин, попросили немного что-то подшить, да еще одна старшая однажды заперла фенечку другой старшей в подвале с привидениями Вдовьей башни.

Фенечка – это девочка из младших классов, которая хочет быть тобой. Вообще-то странноватое такое шефство над младшими, если честно. Тебе в шкафчик приходит письмо с наклейкой-сердечком на конверте, или с нарисованной от руки кошечкой, или чем-нибудь еще вроде того, и это означает, что у тебя появилась фанатка среди младших – фенечка. Бьянкой быть никто не хочет. А если кто и хочет, то это

такие девочки, у которых нет наклеек и которые не умеют рисовать и ненавидят кошечек, потому что они слишком миленькие, а если они и любят кошечек, то только за их ничтожный вес и размер.

По дороге к дому директора Бьянка представляет себя олененком в ночной тьме, снег мягко падает на ее рыжую шерстку, и она думает о принцессе Августе, которая пришла сюда и утонула: интересно, она это спланировала или просто думала, что умеет плавать? Может, она пыталась достать со дна свой черный бриллиант? Потому что нет, ну правда, как, блин, жить-то, если он пропал?

Его обязательно надо найти, этот черный бриллиант. Только так можно вернуть свет. Прозрачный, пронзительный свет.

Их везут в Стивенидж на выездной урок географии.

Это же надо додуматься – устроить географическую поездку в город, хуже которого не было, наверное, во всей истории Вселенной, ну, если, конечно, не считать разных там советских развалин и городов рядом с Чернобылем. Этому Стивениджу тоже нужна ядерная катастрофа. Они заходят в “Макдональдс” за диетической колдой и хэппи-милом. Там

мальчики, мальчики повсюду. Эти, похоже, хуже, чем ДМ? Одеты в вещи из “Спортс дайрект”⁹, пропахшие дешевыми химикалиями, а изо рта воняет соусом для бигмака и вейпом со вкусом бабблгама. И все, буквально все жители этого города жирные. Немногочисленные нежирные люди похожи на быдло-версию Бьянки, они толкают перед собой коляски, набитые детьми, у них длинные невымытые волосы и по всему телу пирсинг. У каждого местного мужчины – нелепые татуировки. Не сексуальные картинки, как у поп-звезд и футболистов, а отчаянные крики о помощи, набитые выцветшей тушью. К счастью, сейчас осень, так что их не очень видно. Но кто-то вспоминает, как девочек водили в местный бассейн, и там были жирные мужики с ангельскими крыльями на спинах и с вытатуированными именами и датами рождения их детей. Таш и Тиффани идут под ручку, потому что они теперь лучшие подружки, а Дэниель плачет негорючими слезами приходящей ученицы с легким ПМС.

Каковы географические особенности Стивениджа? Никто не знает. Помимо жирных людей, тут много дорог с круговым движением и стройка.

– Сэр? – обращается кто-то к учителю.

Мистер Хендрикс – марксист-экзистенциалист с бородой. Непонятно, как так вышло, что он стал школьным учителем.

– Вы что, правда тут живете? Тут ужасно.

Мистер Хендрикс улыбается. Борода у него больше похо-

⁹ Британский супермаркет недорогой спортивной одежды.

жа на бороду, чем у доктора Моргана. И волосы у него темные, и вообще он выглядит сексуальнее. Говорят, у него на груди вытатуировано имя его бывшей девушки, но никто не видел. А на плече – “Падай выше”.

– Да, я тут живу. Что в этом такого?

– О боже, сэр, ну тут ведь сплошное быдло.

– Рейчел, у нас в школе людей так не называют. Ты только что лишила свой класс пяти очков.

Всем, вот буквально каждой девочке насрать на очки класса.

– А плебеи, сэр, так можно говорить?

– Ни в коем случае.

– И еще тут столько жирных! Почему они все такие жирные, сэр?

– Из-за капитализма, Лисса. Из-за ваших отцов и всего, что они делают.

– Сэр, это же сексизм! А наши матери? Они тоже могут быть капиталистками!

Девочкам раздают папки с блокнотами и отправляют брать интервью у местных жителей на разные смертельно скучные темы типа работы и жилищной проблемы. География – это ведь про экзотические места, животных, племена и столицы, а не про эту хрень. По крайней мере, уж яхты-то там должны быть, в этой географии? Интервью ни у кого не получается нормально. Холодно, и вместо опроса на улице все ищут места потеплее. “Макдональдс”, универмаги, “Топ-

шоп”.

Тут Доня выходит из универмага с бесплатным пробником нового увлажняющего крема, и выясняется, что всем срочно нужны бесплатные пробники: настоящее нашествие облаченных в юбки экзотических длинноруких и длинноногих существ с безупречным скелетом. Они берут штурмом “Дебнемс” и “Британский дом” – в обоих универмагах пахнет плохими кафетериями, детскими подгузниками и мочой. Никто из посетителей не догадывается, что юбки – это школьное правило и девочкам запрещено выходить за пределы школьной территории без юбки. Все, наверное, думают, что они сами решили бесстыдно выставить напоказ свои ноги, свои идеальные ноги, свои дорогие колготки и восхитительные веснушки, большинство из которых, к счастью, спрятаны под колготками: дешевыми из аптеки “Бутс” у английских девочек и чистошерстяными у всех остальных.

На Тиффани короткий черный кожаный предмет одежды, который противоречит правилам по всем параметрам, кроме того, что это – юбка. Юбка Лиссы – джинсовая, тоже против правил. Бьянка приехала в розовой балетной пачке, а под ней – леопардовые леггинсы, тоже нарушение. Интересно, это вообще юбка? Или один из ее балетных костюмов? Может, осталось от прошлогоднего представления?.. У Таш юбка всего одна – атласная мини с зебровым принтом и пайетками марки “Хэлперн”, она купила ее в онлайн-бутике *Net-a-Porter* за 990 фунтов, расплатившись черным “Амексом”,

когда поняла, что выходить из школы разрешается только в юбке. Она не планировала заказывать такую дорогую вещь, просто не разобралась в курсе валют. Но вроде бы всем плевать. Дэниель контрабандой проносит в школу посылки из *Net-a-Porter*, в обмен на маленькие подарочки – пару розовых “конверсов”, шелковый шарфик, что-нибудь такое. Мистер Хендрикс никак не может повлиять на то, какие юбки выбирают девочки. Ну, типа, блин, чего ему делать-то?

В шесть приходит автобус, а Бьянки нет. Ее наконец удастся обнаружить в подвале местного ночного клуба: стоит и смотрит, распахнув огромные глаза цвета синего озера, как диджей репетирует сет на этот вечер. Диджей худой и чернокожий, волосы острижены очень коротко, а на футболке написано “Добро пожаловать в Пустоши”. Он крутит диск Азилии Бэнкс и одновременно курит косяк. Это одна из самых сложных и непостижимых вещей, которые девочки видели в своей жизни. А тут еще Бьянка берет косяк у диджея и делает затяжку, как будто бы всю жизнь только этим и занималась. Она начинает танцевать, и у нее так классно получается, прямо как в поп-клипах, которые они иногда смотрят по телевизору в субботу утром в деревенском доме Дэниель. Ну, типа, никто вообще не знал, что Бьянка умеет танцевать. Нет, балет – это понятно, но чтобы так! Ее длинные руки летают вокруг, как спагетти, летящие в стену. И в розовой пачке вдруг появляется какой-то непредвиденный смысл.

Входит друг диджея.

– Еще девушки, – говорит он. – Йо, вы откуда?

Он белый, но говорит так, как будто бы нет.

Никто ему не отвечает. Все краснеют. Каждая пытается изобразить своими конечностями что-нибудь “клевое”, но всем так и хочется с хихиканьем убежать, потому что внутри у них как будто вертлявые червячки и всякий детский сад. В помещении темно, и пахнет дымом и чем-то кислым. Тут детям не место. Стены обтянуты мятым черным бархатом, при свете дня это выглядит глупо и в то же время как-то страшновато. Местами бархат разорван и забрызган кляксами пива. Гардероб закрыт. Пол липкий. Пятна вроде какой-то слизи.

– Бьянка, пошли, – говорит Лисса. – Автобус приехал.

– Автобус приехал, – повторяет белый парень, имитируя произношение Лиссы, и у него получается что-то вроде “ав-тобэс приехэл”. – Йо, девчонки, вы откуда такие? Девчонки из частной школы, да?

Никто ему не отвечает.

– И чего, девчонки из частной школы, травки хотите? – спрашивает он. – Вы сюда за этим?

Конечно, хотят. Никто из них никогда не пробовал наркотиков, и вот пожалуйста – какой-то тощий гопник предлагает их бесплатно. Им не страшно. От травки еще никто не умирал, правильно? Да и вообще, парней всего двое, а их – целых пять, даже если не считать Бьянку. Если что-нибудь пойдет не так, они смогут... Что? Но об этом все равно никто

не думает. Правда, Наташа вспоминает, что говорила тетя Соня, и, когда до нее доходит очередь, только притворяется, что затянулась. А еще у нее, если что, есть с собой русское “Глубокое тепло”.

Когда девочки наконец возвращаются к автобусу, у них большие неприятности. К тому же они задерживаются еще сильнее из-за того, что на обратном пути останавливаются, чтобы раздать автографы. В конце концов, а почему нет? Тип из “Старбакса” решил, что они настоящая девчоночья группа, – они чуть не сдохли от смеха!

– Снимаю еще десять очков с вашего класса, – говорит мистер Хендрикс.

– Сэр? – подает голос Эль, капитан хоккейной команды. – Они учатся в двух разных классах.

– Чума возьми семейства ваши оба, – говорит Бьянка и принимается хихикать.

Остальные проталкивают ее в конец автобуса.

Мистер Хендрикс вздыхает и включает на стереосистеме Боба Дилана, и все девочки издают разочарованный стон, потому что ошибочно считают Боба Дилана благостным хиппи и антикапиталистом. Выбором музыки довольна одна только Доня, которая влюблена в мистера Хендрикса и не очень-то это скрывает.

– Сэр, – говорит она, когда автобус пускается в обратную дорогу сквозь вечернюю мглу и холод.

– Да, Доня?

- Вы с Джими Хендриксом родственники?
- Да, Доня.
- Неужели правда, сэр?
- А ты как думаешь?

Из общей комнаты девятого класса вынесли все вещи, чтобы покрасить, и кто-то обнаруживает под запасами “Боврила” выпускной альбом 1988 года.

Множество выцветших фотографий тощих девочек с нелепыми пышными прическами вклеено в альбом настоящим клеем, а рядом ручкой написаны “Факты о них”: любимые цвета, группы, прозвища и прочее. Все это на удивление скучно – если не считать выпавшего из альбома старого листка бумаги с инструкцией, как мастерить браслеты-феньки. Дэниель тут же хватается за него, потому что обожает делать всякие хорошенькие ретроштуки. Вторую половину альбома заполнили мальчики из лондонской школы Хэрроу. Вклеили туда свои фотографии и тексты песен, которые им нравятся (часто это тексты Ван Моррисона), изложили свои планы на жизнь, перечислили любимых животных (в основном это змеи) и описали свою “идеальную женщину”. Много раз встречается имя Ванессы Паради и ее фотография –

в желтой толстовке и мальчишеских джинсах, по современным стандартам она выглядит довольно жирной. Уж точно больше восьми стоунов¹⁰.

Доня говорит, что надо отнести альбом учителю истории.

– Это ведь в каком-то смысле история, – говорит она. –

Ну, типа, история народа данной местности.

– *Vestiges archéologiques*¹¹, – говорит Тиффани.

Мистер Хендрикс согласен, что альбом – исторический документ, и девочки решают, что им нужно тоже сделать альбом своего выпуска и отправить мальчикам, которые сейчас учатся в Хэрроу. Оказывается, мистер Хендрикс, хоть он и весь из себя марксист-экзистенциалист, на самом деле учился в Хэрроу¹² и сможет договориться с их учителем по истории. А еще там учится брат-близнец Бьянки. Никто понятия не имел, что у Бьянки есть брат-близнец, так что она, может, вообще врет, кто ее знает. Ну и вообще они решили, что сделают все, как в 1980-х: заведут себе такой альбом и отправят его по настоящей почте.

– Сэр, – обращается к мистеру Хендриксу Рейчел, – а вот принцессе Августе не понадобилось клеивать свою фотографию в альбом, который на самом деле ведь не что иное, как каталог...

¹⁰ стоунов – чуть больше 50 кг.

¹¹ Археологические реликвии (*фр.*).

¹² Хэрроу – одна из старейших и известнейших британских частных школ для мальчиков.

– Каталог для секса, – мрачно договаривает за нее Бьянка.

На фотографии, которую она выбрала для альбома, она похожа на стоящего в тени богомола. Огромные глаза светятся над длинной темной полосой – возможно, это на ней черное платье и стоит она, прислонившись к черной стене.

– Какая-то организованная проституция, – соглашается с ней Лисса.

– *Catalogue de sexe*, – произносит Тиффани, и глаза ее вспыхивают.

Интересно, она все эти слова выдумывает или это правда французский? Никто не знает. Мадам Венсан никогда не говорит с ними на темы, связанные с понятием *sexe*. *Sexe* по-французски значит “секс”. Как-то чересчур просто. Раз – и готово.

– Девочки, – говорит мистер Хендрикс. – Если бы у ваших классов еще оставались какие-то очки, я бы их снял. – Что с вами такое? Ведь это же замечательная возможность увидеть воочию, как вершится история.

– Сэр, а может, мы просто в интернет все выложим?

– Девочки, интернет – это совсем другое. И вы сами это понимаете. Давайте подумаем, какой современный штрих мы можем добавить. Какие будут предложения?

В итоге они решают, что добавляют к каждому фото и описанию свой номер телефона – возражает только Бьянка, поэтому она вписывает выдуманный номер.

За “Боврилом” нашелся еще и счетчик калорий из доинтернетных времен. Это такая книжка в мягкой обложке, набранная крошечным шрифтом и забрызганная розовыми и коричневыми пятнами – может, варенье и “Боврил”, а может, и нет. Книжечку передают по рукам во время приготовления уроков, пока Син-Джин спит. Игра заключается в следующем: надо найти самое жирное, самое калорийное блюдо. Может, фондю? (Что это вообще такое?) Фондю с картошкой фри. Фондю с картошкой фри, бобами, соусом “Тысяча островов” и тортом с кремом. А еще пирог. Много-много кусков пирога. С картофельным пюре, приготовленным с целой пачкой сливочного масла и несколькими ложками сливок повышенной жирности. Сливки, которые стекают по ложке и с краев тарелки и капают на пол. Люди наступают на эти супержирные сливки, поскальзываются и разбиваются насмерть.

Игру придумала Бьянка.

В прошлый раз она придумывала игру, которая заключалась в том, чтобы находить фотографии знаменитостей с самыми толстыми руками. А до этого нужно было собирать в инстаграме снимки детей, страдающих ожирением. Еще был “Челендж Толстой Балерины”: отыскивать изображения

профессиональных танцовщиц, приближать снимок в области задницы, живота или подбородка и располагать части тела по степени жирности.

Позже, уже в постели, Таш достает свой серебряный телефон и заходит на сайт *Weight Watchers*¹³. За день полагается съесть еды на 23 очка. Таш изучает, сколько очков составляют разные ресторанные блюда. Слава богу, она почти никогда не ест индийской еды, потому что приготовленная в ресторане индийская курица тикка масала – это 81 очко. Таш мутит уже от одной мысли. А если добавить к этому рис пилау (20), лепешку наан (28) и парочку луковых баджи (18), получится уже 147 очков. Почти недельная норма очков за один-единственный прием пищи. И это даже без десерта.

Таш врет про свой возраст и вес и регистрируется на сайте.

Тиффани практически все время разгуливает по общей спальне с голыми сиськами, так что и Таш с Лиссой тоже на-

¹³ *Weight Watchers* – коммерческая программа диетического питания, основанная на том, что каждому виду продукта соответствует некоторое количество условных “баллов”, и идея диеты – в том, чтобы за сутки не превышать необходимое количество этих самых баллов.

чали так делать. Сиськи Тиффани – это маленькие произведения искусства или шедевры ремесленника: две безупречных перевернутых кверху дном чайных чашки. Коричневого цвета и с розовыми сосками, которые всегда указывают вверх.

Наступает вечер вторника, остается всего несколько недель до того дня, когда они разъедутся на Рождество. Все говорят о поездке в Кембридж, запланированной на следующую субботу, и о дискотеке, на которой, конечно, мальчиков не будет, но зато девочкам разрешат самим выбирать музыку. После того случая в Стивенидже все слушают Азилию Бэнкс, но ходят слухи, что учителя собираются удалить из плейлиста всех исполнителей с маркировкой E¹⁴. Уже почти девять. Все болтаются без дела, скоро спать. Лисса складывает свое нижнее белье в сумку с длинными ручками для завтрашней стирки. Мешает вместе темные и светлые вещи, потому что ей плевать. Таш надела наушники и читает французский “Вог”. Из туалета появляется Бьянка, она полностью одета и даже накинула сверху школьный плащ. У нее никогда не бывает открыто ничего сверх самого необходимого. Всегда в одежде. Даже спит она в странной белой пижаме. Но плащ в помещении обычно все-таки не носит.

– *Ты куда?* – говорит Тиффани.

¹⁴ Маркировка E рядом с названиями треков в интернет-фонотеках или на обложках альбомов обозначает присутствие в текстах песен ненормативной лексики.

Тиффани в Англии уже почти пять лет, но французский акцент у нее все такой же. Она слишком ленивая, слишком француженка и, по правде говоря, просто слишком охрени-тельно крутая, чтобы отрабатывать английское произноше-ние, поэтому произносит все слова так, как будто бы они – французские. Грассирует, проглатывает звук “н”, а слова “нет” и “да” превращаются у нее в долгое страстное рычание.

– Да, куда это ты? – спрашивает Таш. Она переняла акцент Тиффани, и некоторые английские девочки – тоже. Куда это *ти*?

– К директору домой, – говорит Бьянка.

– Опять? – удивляется Лисса. – Как-то странно. Из-за чего на этот раз?

Бьянка пожимает плечами, как маленькая птичка, кото-рая еще не научилась летать, или как моль, чьи крылья до сих пор перемазаны клезью и прочим мусором, оставшимся от личинки.

– Уи, что ты натворила, Осеан?

Осеан – это французская версия имени “Ханна”. Манон – французская версия “Эмили”. А может, наоборот. Суть в том, что Ханна и Эмили были самыми популярными имена-ми у быдла в год, когда они родились. В более старые вре-мена такими именами были Шерон и Трейси. Во француз-ском таким распространенным у быдла именам соответству-ют Осеан и Манон. А в русском какое-то время у народа была мода называть девочек Людмила и Нинель. Наташину мать

зовут Людмила. Таш напрягает память, пытаюсь вспомнить, как зовут в России девочек ее возраста. Но, похоже, уже забыла.

– Я оскорбила мисс Эннабел. Типа, послала ее нахрен.

– Pourquoi?

– Parce que... Потому что она сказала, что я слишком худая для балета, – вздыхает Бьянка. – Как будто такое вообще бывает. Но я ведь не виновата в том, что худая. Я без оснований что-нибудь ем.

– Ты ведь классно танцуешь!

Это правда. Бьянка танцует слишком классно для того, чтобы заниматься вместе с остальными. Она снова пожимает плечами и будто по волшебству растворяется в холодной ночи.

После этого из соседней двери выходит Рейчел и ведет всех в туалет – показать огромную какашку, которая там лежит. Никто из них в жизни не видел такой здоровенной. Ни у кого даже собаки такой нет, которая могла бы навалить кучу вроде этой. По форме она напоминает ядерную подводную лодку. Неясно, сама ли Рейчел произвела ее или это чья-то еще.

– Бьянка? – спрашивает кто-то.

– Такое в Бьянку не поместилось бы, – возражает Лисса.

Кто-то спускает воду в туалете, но какашка остается на прежнем месте.

Все плетут фенечки. Син-Джин покупает нитки для вышивания в галантерейном магазине в Стивенидже. Делается это так: выбираешь три цвета, которые тебе нравятся, и отмеряешь от каждой нити по два длинных отрезка. Потом связываешь все шесть отрезков одним узлом и с помощью английской булавки...

– Девочки, – кричит Син-Джин, – девочки, я же вам говорила: НЕ НАДО прикалывать булавки к колготкам!

Они уже несколько дней ходят по школе с обрезками разноцветных нитей, свисающих с колготок и юбок. В таком вот виде их и вызывают в кабинет директора: Таш, Тиффани, Рейчел, Лиссу, Дэниель и Доню.

– Ладно, – говорит Син-Джин. – Сейчас откреплять некогда. К тому же вряд ли доктор Мун обратит сегодня на это внимание. Давайте. Быстро.

Сесть не на что, поэтому все они стоят перед большим столом красного дерева, и из ног у всех торчат обрывки ниток, как у заброшенных игрушек. На деревянных панелях, которыми обит кабинет, висят мрачные картины. Ни на одной из них не изображена принцесса Августа. Это все мужчины, верхом на лошадях.

Доктор Мун – старый важный господин, который выгля-

дит точь-в-точь как все остальные старые важные господа. Его тело – мешок, набитый мертвыми котятами, а кожа – пыльная антикварная редкость. Ходит он, всегда выразительно прихрамывая, потому что как-то раз попал ногой в крысоловку в колониальной дыре, где служил его отец. В общем, он – иной вид, таких полагается уважать и почитать, и...

Он делает глубокий вдох.

– Доброе утро, девочки.

Повисает неловкая пауза. У директора на лице читается страдание – то ли ему действительно плохо, то ли он просто хочет, чтобы это читалось у него на лице.

– То, что я сейчас скажу, конфиденциально. С другими учащимися об этом говорить нельзя, вам понятно? Предмет нашей беседы – закрытая информация.

Серьезные лица, кивки. Конечно, сэр. Как скажете. Тетя Соня не согласилась бы на такие условия договора, но тети Сони здесь нет. К тому же она, возможно, уже не помнит, каково это, когда тебе пятнадцать и ты вот-вот услышишь секрет от директора школы, в которой учишься.

Доктор Мун долго и тяжело вздыхает – похоже на самолет, который идет на посадку. Наконец самолет останавливается.

– Бьянка умерла, – говорит он. Говорит ровным голосом, без эмоций.

Таш пробирает смех. Она чувствует, что и остальных девочек тоже подергивает. Им всем нестерпимо хочется засме-

яться, чтобы...

А, нет, не всем. Доня в обмороке. Син-Джин обмахивает ее чем-то – возможно, “Общим прологом к «Кентерберийским рассказам»”. Может, это даже тот самый экземпляр, к которому прилипли кусочки мертвого шмеля. Она звонит в медпункт. Остальные стоят и изо всех сил делают вид, что они достаточно взрослые, чтобы найти в себе силы принять эту новость без смеха и без обморока. Разве тут возможны какие-то другие реакции? Таш испытывает странное возбуждение – как когда стоишь на краю высокого трамплина. Она чувствует, как кровь пульсирует во всем теле, замечает, что покачивается, хватая ртом воздух, но в обморок не падает. Никто не знает, что делать. Кто первым заплачет? Наверное, от них ждут, что они заплачут? Но если они станут плакать из-за чего-то секретного, ведь другие люди все узнают? А если они не станут плакать из-за смерти подруги, то...

– Я знаю, что вы были с ней близки, – говорит доктор Мун. – И некоторые из вас были ее соседками по комнате. Вот почему вам сообщили первым. Теперь я должен задать вам один очень важный вопрос. Почему, как вы думаете, она умерла?

Син-Джин бросает на него странный взгляд. Короткий, едва уловимый.

С доктором Муном не принято беседовать. Если бы это был доктор Морган или мистер Хендрикс, девочки сейчас задавали бы совершенно неуместные вопросы. Где ее нашли?

Когда это произошло? Ну ладно, эти вопросы – уместные, но, услышав, что ее нашли в озере, они бы, возможно, спросили, успели ли рыбы частично объесть ее тело, поинтересовались бы, плыла ли она по поверхности, имели ли к этому отношению ДМ и что бы сказала обо всем этом принцесса Августа. Возможно. *Возможно.*

Все молчат.

– Я слышал, что вы много сидите на диетах.

Все смотрят в пол.

– Мы прочли дневник Бьянки. В последующие недели будет введено много новых правил. Я надеюсь, вы станете их соблюдать.

Все кивают.

– Сэр... – произносит Рейчел. – А что мы должны отвечать, когда нас будут спрашивать, где Бьянка?

– Ее временно отчислили, – говорит он. – За дурное влияние на одноклассниц. За то, что подталкивала вас сидеть на диетах.

Син-Джин снова бросает на него тот же взгляд.

Если бы это был другой учитель, девочки наверняка ввязались бы в спор. Ведь это объективно идиотская мысль и максимально травмоопасная. Что будет, когда все узнают, что эти шесть девочек умудрились врать на такую ужасную тему? Как это отразится на их будущем? Они смогут написать об этом в своей анкете, когда будут подавать заявку на поступление в университет? *Умение врать на очень-очень*

серьезные темы. Кто знает? Но есть во всем этом что-то очень неправильное.

– Я обсужу это с педагогическим коллективом, – говорит доктор Мун. – Но на данный момент мы приняли такое решение. Между собой вы можете это обсуждать. Мы понимаем, что вам этого захочется. Ваши комнаты находятся в отдалении от остальных, и вам разрешается уходить туда в любой момент в течение учебного дня, если возникнет такая потребность. Но вы должны обещать, что до поры до времени никому не будете об этом рассказывать. Даже родителям.

Тишина.

– Обещаете?

– Да, сэр.

Кровать Бьянки занимает Дэниель. С версией про временное отчисление это не очень вяжется: ну ведь правда странно, когда одну девочку отчисляют и ее вещи тут же сгружают в коробки и убирают на хранение, а ее место занимает другая? *А что если*, шепчутся другие девочки, *а что если Бьянку совсем исключили.* Это становится официальной неофициальной версией, хотя о вымышленном временном отчислении даже не было объявлено. Дэниель, похоже, тоже в ка-

ком-то подвешенном состоянии. Ее родители разводятся и продают дом в деревне. Мать переезжает в Лондон, а отец перебазируется в Дубай. Она лежит на кровати Бьянки, плачет, слушает “Лемонейд” и плетет фенечку из одной только черной нити. Получается красиво, хотя цвет все время один и тот же. Но это просто Дэниель такая талантливая.

Остальные девочки порхают вокруг, как страницы, вырванные из запрещенной книги, и никто не шутит про кашки или принцессу Августу. Они не плачут – вдруг кто-нибудь увидит. Они относятся к доверенной им тайне очень-очень серьезно. Время от времени смотрят друг на друга и говорят: “Господи”. Если плакать хочется нестерпимо, запираются в туалете и открывают все краны с водой.

В понедельник, никого не предупредив, доктор Мун является в столовую во время завтрака и делает официальное объявление о смерти Бьянки.

Поговаривают об отмене поездки в Кембридж и дискотеки, но тут кому-то приходит в голову идея, что это ведь может быть чем-то вроде поминок Бьянки.

Похороны назначены на следующий понедельник и будут проходить в Лондоне, но родители Бьянки выразили пожела-

ние, чтобы никого из школы не было. Значит, вместо похорон как раз и можно устроить проводы Бьянки – помянуть ее и отдать последние почести. Станцевать под Азилию Бэнкс, и Ариану Гранде, и...

– Ну вы больные, – говорит Бекки с плохими волосами.

Бекки с плохими волосами заполняет заявление на пост старосты. Для этого требуется два рекомендательных письма и сногшибательное эссе о своей кандидатуре. Хорошо, если ты играл в спортивных командах, участвовал в театраль-ных постановках и досрочно сдавал экзамены по математике. Может, высокий рост – тоже плюс при подаче заявки? Крайний срок приема заявлений – сразу после Рождества. Староста сменяется раз в два года – по-английски это называется то ли *biannually*, то ли *biennially*¹⁵ – так что тебя выбирают сразу на десятый и одиннадцатый классы. Староста проводит много времени с доктором Муном и старшими педагогами, которые помогают директору с руководством. Нынешнюю старосту зовут Тереза. Она очень худая, у нее светлые волосы, длинные и тонкие, почти как у... Погодите-ка, это не в нее ли Бьянка была влюблена, когда училась в младших классах? Так и есть, говорит кто-то, Бьянка была ее фенечкой.

Пока остальные планируют сходить к Терезе – у нее крошечная спальня-кабинет в Девичьем крыле рядом с учительским коридором, и она состоит в каком-то никому не понят-

¹⁵ *Biannually* (англ.) – два раза в год, *biennially* (англ.) – раз в два года.

ном французском аристократическом родстве с Тиффани, – Наташа подумывает, не надо ли и ей подать заявку на пост старосты. Все дело в том, как директор говорил с ними про Бьянку. Ну да, ладно, он соврал про то, что это секрет, и про то, что он им доверяет и считает их особенными, но Таш понравился его серьезный тон. Ей хочется, чтобы учителя всегда разговаривали с ней вот так.

К тому же никто не хочет, чтобы старостой стала Бекки с плохими волосами. А Бекки с плохими волосами уже нависает вполне реальной угрозой. Она вместе со своими подружками Беллой и Эль учредила группу противников Аны – возможно, из-за слухов о том, что Бьянка состояла в группе Ана-последователей. Но на самом деле это все та же озабоченность едой и легальный повод заглядывать на отвратительные страницы в *Pinterest* с хештегом #анорексия и читать там инструкции, как голодать и не падать в обморок, но она это так подала учителям, что ее действия выглядят здорово и сознательно. Ей поручили провести опрос и взять несколько интервью, чтобы выяснить, как девочки в школе относятся к еде и диетам. Все до единой врут. Девочки, которые регулярно съедают по два куса пирога с патокой, утверждают, что никогда его не едят. А те, которые пирог с патокой прячут и выбрасывают, уверяют, что всегда его едят. Статистика выходит просто поразительная. Получается, что от диет жиреют! А от постоянной жратвы – худеют. Кто бы мог подумать?

Но вот что плохо: 90 процентов школы страдает от того

или иного вида пищевых нарушений.

– Так, – говорит доктор Мун. – Пора действовать.

Специалисты по пищевым нарушениям похожи на преступников. Их зовут Тони и Доминик. Они из Шотландии. У Тони бритая голова, на нем практичная одежда и походные ботинки. Наверное, он надеется выдать это за стиль нормкор, но видно, что он просто вот так дешево одевается. Его как будто только что выпустили из тюрьмы. А у Доминика бегающие глазки. Обут в черные “конверсы”, потому что пытается сойти за молодого. К черным “конверсам” надел черные джинсы в обтяжку и черную футболку. Тони и Доминику, похоже, под пятьдесят, а может, и за. Все силятся найти в них что-нибудь сексуальное, но не находят буквально ничего, и это очень обидно, потому что девочкам ужасно надоел мистер Хендрикс, а доктор Морган никому не нравится – ну, никому, кроме Бекки с плохими волосами. У него изо рта пахнет так, что прям...

– Ладно. Обойдемся без доброго утра и прочего дерьма, – говорит Доминик. – Эта хрень – серьезное дело.

Син-Джин громко вздыхает и украдкой переглядывается с мадам Венсан.

Бекки с плохими волосами подвигает свой стул чуть ближе. Это оранжевые пластиковые кресла из театральной студии, от которых зимой у всех ужасно электризуется одежда, а летом потеют ляжки. Но зато они легкие и хорошо штабелируются, так что их выписали для школы несколько сотен штук. Неубиваемые. То же самое можно сказать и про специалистов по пищевым нарушениям. Ведь их тоже откуда-то выписали, да? Но откуда? Типа, где вообще можно найти двух врачей, которые так сильно похожи на педофилов?

Понятно, где: в интернете.

– Вы все здесь из-за того, что у вас какие-то пищевые нарушения, – объявляет Тони.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.